

Да, тот самый непроизносимый С, на который указал Рафаэль, был частью имени древнеримского философа Цицерона. В его имени две буквы С не произносятся. Иначе говоря, начало «Ци» — ошибочно, правильно — «Ки», как в слове «кибер». Здесь С — глухой непридыхательный звук.

Но для Августа всё это была сухая и скучная теория, которую он слышал, но не понимал.

Рафаэлю даже не нужно было гадать — он прочёл мысли Августа по его лицу. Вместо дальнейших наставлений или упрёков он одной рукой взял юношу за подбородок и поцеловал.

Своим языком он повёл язык Августа, следуя правильному произношению имени Цицерона.

«!!!»

Когда Рафаэль спокойно отстранился, Август остолбенел. Он даже забыл смутиться, лишь заикаясь:

— Ты... ты... я... я...

На коленях Рафаэля лежал плед — даже в начале весны ночи в старом замке были ледяными. Незаметно для Августа он поправил ткань, скрыв то, что обтягивающие штаны скрыть не могли. Затем с невозмутимым видом спросил:

— Запомнил, как произносится?

Ещё бы не запомнить! Август всё ещё не мог толком говорить и лишь механически повторил звук.

— Хорошо, — удовлетворённо кивнул Рафаэль. — Продолжай.

«...»

Продолжать? Продолжать что? Разве этот метод обучения не кажется тебе странным? Слишком робкий, чтобы возражать, Август лишь притворно зевнул, намекая, что силы на исходе.

Рафаэль проявил снисхождение.

— Что ж, на сегодня хватит. Ложись спать. Завтра рано вставать.

— Да-да! Я тоже так думаю! Ранний отход ко сну полезен для здоровья! — Август закивал, с надеждой глядя на Рафаэля.

Тот лишь усмехнулся.

— Оказывается, ты и это знаешь.

«...»

Герцог, известный своим принципом «поздно ложиться, поздно вставать».

— Ладно, иди спать.

Сказав это, Рафаэль и не подумал вставать.

— Ты... — начал Август.

— Я подожду, пока ты уснёшь, — улыбнулся Рафаэль, явно намереваясь довести начатое до конца.

Не видя выхода, герцог с тяжестью в духе школьника перед уроками совершил вечерний туалет и улёгся на слишком широкую для его возраста кровать. Время от времени он украдкой поглядывал сквозь полог на профиль Рафаэля, освещённый мерцанием огня. Прямой нос, тонкие, как лезвие, губы, острый взгляд... Даже склонившись над книгой, он выглядел словно сошедшим с классического полотна — благородным и утончённым.

Как может быть на свете такой красивый человек?

И как этот красивый человек может быть его дядей?!

Август тихо вздохнул. Он не знал, что бы сделал, если бы Рафаэль не был его дядей. Но он вдруг ощутил, что эти родственные узы, когда-то столь его радовавшие, теперь стали ему слегка мешать.

Когда Рафаэль снова посмотрел на него, Август испуганно закрыл глаза. Золотистые волосы мягко раскинулись на белоснежной подушке, и непослушный вихор, торчавший поутру, теперь скрылся.

Постепенно его дыхание из притворно-неровного стало ровным и спокойным. Грудь плавно поднималась и опускалась вместе с бархатным одеялом. Это напомнило Рафаэлю белых лебедей, которых он видел в детстве на озере у замка Райзинг. Их пушистые перья, их величавое скольжение по зеркальной воде... В них была какая-то таинственная сила, манившая к себе.

Когда Рафаэль опомнился, прошло уже немало времени. Он просто смотрел на спящего Августа, не чувствуя нетерпения, а лишь переполняющее сердце удовлетворение.

Тихо поднявшись, он постоял у кровати. Несколько раз колебавшись, так и не решился поцеловать.

Потому что... это желание большего при невозможности его достичь было слишком мучительным. Один раз — и больше не захочешь испытывать вновь. В последний раз взглянув на Августа, Рафаэль с зажжённой свечой бесшумно вышел, унося с собой последний свет.

На следующее утро за завтраком Август про себя поклялся: никогда больше не допускать ошибок в произношении, чтобы не подвергаться такому смущающему «обучению».

Рафаэль тоже твёрдо решил: до совершеннолетия Августа больше не поддаваться таким импульсивным порывам. Прошлой ночью он ворочался без сна.

Оба молчаливо сделали вид, что забыли о вчерашнем вечере, и отправились осматривать церковь в Бристоле. По дороге Август от Рафаэля узнал, что конкуренция между приходами шла не только за богатых прихожан, но и за то, чья церковь больше и величественнее. Это личное тщеславие прикрывали «почитанием Бога», и Август даже не знал, как к такому относиться.

Самое страшное, что некоторые епископы делали это ради личного удовольствия, но были и искренне верующие, считавшие, что именно так и следует выражать благоговение.

Церковь, проповедующая скромность, угодила в странный порочный круг.

Как в том фильме про Оскара, который Август когда-то смотрел, — о журналистах, расследующих случаи домогательств священников к детям из хора. Там была сцена, леденившая душу: один священник не считал свои действия грехом, потому что в детстве с ним поступали так же. Он открыто признавался и говорил: «А разве не все так делают?»

Безнаказанность из-за всеобщности — вот худшее, что может случиться с законом. Она легализует зло, превращая его в негласное правило.

Августу это претило.

— Разве смысл религии не в том, чтобы вести людей к добру? — спросил он Рафаэля.

Он не считал плохим само стремление религии быть популярной. Это естественно, как желание человека быть любимым. Но использовать принуждение для распространения веры, запугивать людей адскими муками за инаковерие... Такое, по мнению Августа, следовало бы назвать культом.

Кхм, немного отвлёкся. Возвращаясь к строительству церквей: использовать на это пожертвования прихожан, которые сами едва сводят концы с концами, — это тоже казалось Августу неправильным.

— Ты — лорд этих земель, — мягко напомнил Рафаэль.

Август понял.

— Я, возможно, не смогу изменить эту порочную практику во всём королевстве, но на своих землях — смогу!

— Именно, — кивнул Рафаэль.

Хотя Реформация Ричарда II была продиктована в первую очередь политическими интересами, нельзя отрицать: протестантизм, вспыхнувший как искра, имел для того глубокие причины и историческую ценность.

Когда изначально здравые учения старой церкви были извращены и поставлены на службу алчности, лучшим способом не дать религии рухнуть вместе с прогнившим деревом было отсечь гниль и вернуть вере её изначальный, чистый вид. Это и было бы истинным служением Богу.

«Новый» в протестантизме — это не «новый» как противоположность «старому». Это «новый» как «возрождённый».

Этого краткого обмена мнениями хватило Рафаэлю, чтобы понять религиозные взгляды Августа.

Под стук копыт и грохот колёс, в замкнутом пространстве кареты, где они были одни, Рафаэль, глядя прямо в глаза Августа, произнёс нечто шокирующее:

— Возможно, ты сам этого не осознаёшь, но твоя позиция в вопросах религии — это взгляд стороннего, рационального наблюдателя... Иными словами, ты не веришь ни в католицизм, ни в протестантизм.

«!!!»

Широко раскрытые глаза Августа ответили за него, пока он ещё подбирал слова.

<http://bllate.org/book/15929/1424035>